

36. Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб. ; М., 2004.
37. Ципперштейн С. Евреи Одессы: история культуры, 1794–1881 / научн. ред. и пер. с англ. А. Локшина. Иерусалим, 1995.

Статья поступила в редакцию 07.12.2010 г.

УДК 316.346.32–053.9 + 316.4.051.6

П. А. Амбарова

КУЛЬТУРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ «СОЦИАЛЬНЫХ ЧАСОВ»: «СЕРЕБРЯНЫЙ ВОЗРАСТ» ИЛИ «ВОЗРАСТ НЕВИДИМКИ»?

Проанализированы результаты культурологических, социологических, демографических исследований, а также обыденных наблюдений, связанных с представлениями о старости в различных культурах. Рассмотрены тенденции изменения «социальных часов» геронтологических групп под влиянием демографических процессов и процессов модернизации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурные заимствования, культурные традиции, межкультурные различия, «социальные часы».

Процессы мировой интеграции, в которые включены различные регионы и страны мира, подразумевают заимствования, разнообразные по объему, уровню, направленности и результатам. В силу многочисленных межкультурных барьеров автоматический перенос социокультурного опыта невозможен. Требуется его адаптация к условиям конкретной страны, подразумевающая ограничения, структурно-функциональные изменения и другие трансформации.

Отношения между возрастными группами, так же как и гендерные отношения, являются одними из самых консервативных элементов культуры, поскольку они участвуют в построении и сохранении общего порядка социальной системы. Межкультурные различия в данных сферах воспринимаются наиболее интолерантно. Философские и культурологические исследования старости отражают культурную специфику в понимании возраста и предписанности возрастных моделей поведения. Труды Ф. Арьеса и М. Вовелля [1, 13], раскрывающие западноевропейский взгляд на старость, в то же время показывают его глубокую укорененность в общественном сознании современных поколений. В связи с этим культурную вариативность «социальных часов», характерных для геронтологической группы, можно рассматривать как важный фактор влияния на практику межкультурных заимствований.

Нужно признать тот факт, что и в традиционных обществах, которые включены в процессы модернизации и глобализации, и в обществах индустриального

АМБАРОВА Полина Анатольевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: borges75@mail.ru).

© Амбарова П. А., 2011

и постиндустриального типов наблюдается постепенное изменение устоявшихся взглядов на старость и отношения к старым людям. Однако не везде такие изменения воспринимаются как желательное и необходимое следствие развития социума. В ситуации «ментальных движений» культурные заимствования приобретают чрезвычайно сложный характер и трудно предсказуемые последствия. Рассмотрим основное содержание и наиболее существенные изменения «социальных часов» геронтологических групп некоторых восточных и западных стран.

Критериями межкультурного сравнения может служить возрастной порог, отделяющий зрелость от старости, а также ролевой набор, закрепленный за данной группой культурной традицией.

Первоначально критерием старости служила нетрудоспособность человека, а в современном обществе — получение права на пенсионное обеспечение [7, 62]. Возраст выхода на пенсию, установленный законодательно, варьируется. В США и Германии он отнесен к 65/65 годам (первая цифра показывает пенсионный возраст мужчин, вторая — женщин), в Японии наступает в 70/70 лет, России — 60/55, Англии — 65/60. В то же время есть страны, в которых либо отсутствует система пенсионного обеспечения (например, в Китае ею охвачены только некоторые категории горожан), либо вводятся системы «гибкой пенсии» (Швеция, Дания), предусматривающие «скольжение» пенсионного возраста. В этих случаях формально установленный возраст перехода от зрелости к старости отсутствует.

Немаловажно и то обстоятельство, что календарный возраст — это достижение современного общества. В прошлом люди затруднялись назвать дату своего рождения и связывали ее с каким-то значимым природным или историческим событием. И сегодня календарный возраст старости не во всех случаях может служить релевантным критерием кросскультурного сравнения, поскольку зависит от уровня экономического развития страны, состояния системы социального обеспечения, деятельности профсоюзов, продолжительности жизни, качества здоровья и уровня трудоспособности населения.

Большее значение для исследования «социальных часов» имеют представления о социальном возрасте, который определяется не столько внешними признаками, сколько изменениями в социальной деятельности и отношениях. Поэтому глубинные межкультурные различия лучше всего отражает ролевой набор, закрепленный за старшей возрастной группой. Отношение к пожилым людям определяется их участием в общественной жизни, объемом прав, авторитетом. «В современных обществах, — отмечает А. Смолькин, — совет старейшин может играть значительную роль в культурной и политической жизни там, где наблюдается стремление противопоставить модернизации, вызванной внешними влияниями, традиционные ценности (например, современные исламские государства); порой он выступает как интегрирующий фактор в молодых государствах с трибалистической социальной структурой, что особенно характерно для стран Африки» [10].

Развитие европейского понимания старости напоминает движение маятника: от признания старости как концентрата мудрости и механизма передачи социокультурного опыта до полного ее отрицания как ценности и естественного

состояния человека. Переход от традиционных взглядов на старость произошел примерно в XVI в. и обозначился словами М. Лютера: «Старость — это живая могила». С этого момента геронтофобия набирает силу. В XX в. она получает свое логическое завершение в противопоставлении молодости и старости как ценности и антиценности и социальной изоляции и депривации старшего поколения. Не случайно появилось одно из названий этого периода жизни человека — «возраст невидимки».

Для индустриальных и постиндустриальных культур стало характерным четкое разделение возрастных когорт и соответственно четкая дифференциация желательных социальных ролей. Геронтологические группы стали рассматриваться как суб- или даже контркультурные группы, а в механизме передачи социокультурного опыта они потеряли роль субъекта трансляции ценностей и превратились в ее объект.

Сложившаяся к XX в. западноевропейская модель старости объясняется теорией жизненного пути. Согласно ей, жизнь человека концентрируется вокруг трудовой занятости и семьи. Старость и старение исключают активный и продуктивный труд, сопровождаются потерей способности к деторождению и разрушением социальных связей и отношений с друзьями, коллегами, взрослыми детьми. Соответственно старость рассматривается как отклонение от нормы, нежелательное состояние человека.

Н. В. Игнатьева полагает, что старость олицетворяет для западной культуры все то, что вступает в противоречие с актуальными ценностями индустриального и постиндустриального социума, такими как личный успех, достижения, результат, материальное благосостояние, динамичность, мобильность, т. е. ценностями, вытекающими из «молодого состояния». «Третий возраст», по ее мнению, как потенциальная возможность развития человечества в современной культуре не только негативизируется, но и игнорируется или даже отрицается [5, 4].

В конце XX в. во взглядах на старость наметилось возвратное движение. Состояние постиндустриальных обществ и обществ переходного типа, к которым относится Россия, во многом стало определяться старшим поколением, хотя этот объективный факт не всегда признается и учитывается в реальной социальной практике. Старение населения развитых стран, названное «тихой революцией» [4], закономерно приводит к экономической, социальной и культурной переоценке значения старшего поколения и старости в целом. Под влиянием многочисленных демографических и геронтологических исследований пересматриваются возможности сохранения и использования человеческого капитала старшего поколения.

Новая модель старости расширяет диапазон социальных ролей, доступных старшему поколению. «Возраст невидимки» превращается в «серебряный возраст», с наступлением которого социальные роли предыдущего периода не утрачиваются, а трансформируются. Нельзя согласиться с А. Смолькиным в том, что для западной культуры характерно «исчезновение» старости [10]. В западноевропейской и североамериканской культурах представления о старости и ее оценки стали более дифференцированными. Увеличение продолжительности жизни и ранний выход на пенсию в развитых странах послужили основой

деления «третьего возраста» на три части — пожилой возраст, старость и дряхлость, называемую «четвертым возрастом». В этом видится качественное отличие постиндустриальных обществ от традиционных, для которых такое деление не характерно.

В США и Европе позитивно оцениваются «молодые старики» — молодые не по возрасту, а по жизненной позиции и выполняемым социальным ролям. «Молодые старики» — это те, кто много путешествует, активно занимается общественной деятельностью, кто приобретает новые профессии, организует свой бизнес, вступает в новый брак [8]. Негативно воспринимается традиционная старость с характерными для нее пессимистическим взглядом на себя и окружающий мир, заикленностью на болезнях и оторванностью от людей. Таким образом, в социальной практике «работают» концепции успешной старости и социального ухода.

Как известно, научные теории являются отражением и вербализацией витающего в воздухе общественного мнения. Первая установка, характерная для общественного сознания современных американцев и европейцев, объясняется и поддерживается теорией, согласно которой человек в пожилом возрасте должен быть активным членом общества, по возможности сохранять стиль жизни и ценностные установки среднего возраста. Необходимо преодолевать возрастные стереотипы, в соответствии с которыми должны быть утрачены интимные отношения, социальная и сексуальная активность или ролевые функции, свойственные среднему возрасту. Для этого необходимо заменить прежние социальные отношения новыми [6, 6].

Вторая концепция — освобождения, или «социального ухода» — содержит негативный образ старости, в большей степени характерный для российской культуры. Согласно ей, старость представляется как утрата социальных ролей, присущих среднему возрасту, — увольнение с работы, расторжение социальных связей, потеря друзей — и подготовка к смерти [11, 24]. Заметим, что последняя социальная роль существенно меняется от культуры к культуре. По мнению Ф. Арьеса, отношение к смерти играет особую роль в формировании картины мира той или иной социокультурной общности и может пролить свет на отношение ее представителей к жизни и другим ценностям [1, 17]. Так, например, в западных культурах существует неформальное табу на тему смерти, а практика похорон почти лишена публичности, ритуальные действия минимизированы. Напротив, в традиционных культурах подготовка к смерти (духовная и практическая) играет ключевую роль в жизни пожилого человека, а деятельность по подготовке и осуществлению похорон институционализирована.

Новые для западных обществ представления о социальном времени «серебряного возраста» и складывающиеся на их основе социальная политика и социальная практика активизации старшего поколения представляются эффективной стратегией укрепления социально-экономического и социокультурного потенциала общества. В то же время перспективы заимствования такой модели старости странами других регионов мира выглядят несколько туманными.

Несмотря на культурное разнообразие Востока, можно обозначить общие для различных стран черты в представлениях о старости. Традиционное для

них предельно уважительное отношение к старым людям в целом сохраняется и сегодня [2, 121]. Например, в современном Узбекистане по-прежнему принято обращение к родителям и прародителям на «Вы», при каждом посещении отдельно живущих престарелых родственников дети приносят подарки, продукты питания. В ближневосточных культурах старость все также рассматривается как время максимального накопления мудрости, подведения итогов жизни, приближения к вечности и запредельному миру и в некоторых случаях даже проникновения в него. Возраст дает право на авторитет и заботу в семье, социальной группе и обществе при условии соответствия человека образу и поведению, предписанному традицией данному возрасту.

В историческом прошлом Индии «возраст случался» примерно в 40–60 лет, после замужества или женитьбы детей и передачи молодым функций хозяев дома. По данным И. Глушковой, в современной Индии нижний порог старости относится к 55 годам. Индийских государственных служащих в обязательном порядке отправляют на пенсию в 58 лет, университетской профессуре разрешают преподавать до 60 лет [3]. Культурное, этическое и религиозное многообразие Индии препятствуют унификации представлений о возрасте наступления старости и представлений о ней. Тем не менее водораздел между 50 и 60 годами субъективно воспринимается большинством как наступление старости [3]. Сферой самореализации старых индийцев, правда только избранных, является политика и общественная деятельность. Нижняя граница возраста для вступления на пост президента — 35 лет, верхней границы не существует. Сегодняшнему президенту Индии Пратибхе Патил 77 лет (заняла президентский пост в 73 года), премьер-министру Манмохану Сингху — 79 лет, министру сельского хозяйства Шараду Павару — 71 год, Капилу Сибалу, министру связи — 63 года. «Рядовые» же старики «отлучены» от активной общественной и трудовой деятельности: присматривают за внуками, становятся паломниками, уходят в города вдов или готовятся к смерти в священном городе Варанси. До сих пор, несмотря на законодательный запрет сати и меры по защите женских прав, индийские вдовы попадают в социальную изоляцию и не могут выполнять обычные для стариков социальные роли.

В отличие от Индии в современном Китае интенсивность и масштабы модернизации, а значит, и темпы формирования постиндустриального общества, значительно выше. Однако в общественном сознании по-прежнему сохраняется принцип «сяо», означающий комплекс этических правил, регламентирующих уважительное отношение к пожилым людям. Правила «сяо» являются не только идеалом, но в большинстве случаев реальной поведенческой установкой. В Китае «молодой человек, — приводит пример собственных наблюдений профессор-синолог Е. Ю. Стабурова, — обязательно подставит руку пожилому, когда он спускается или поднимается по лестнице, постарается чем-то услужить старшему гостю, проводить до двери... Или... одна девушка рассказывает, что купила в столице двухкомнатную квартиру и... отдала эту квартиру своим родителям, а сама живет сейчас в общежитии. Для нас практически невероятная ситуация, а там — вполне нормальная» [9].

Однако следует отметить, что стремительное «постарение» Китая, которое серьезно увеличивает демографическую нагрузку, подрывает принципы «сяо». Оказание уважения и помощи старикам переходит из категории индивидуального морального долга в категорию социальной ответственности общества, т. е. начинает приобретать обезличенный, формальный характер. Доказательством служит увеличение случаев агрессии против стариков и числа домов для их содержания. Кстати, нужно отметить, что и в Китае, и в Индии приняты законы, обязывающие детей заботиться о престарелых родителях. В качестве наказания закон предусматривает лишение свободы. Наметившиеся тенденции к изменению культурных традиций получили негативные оценки в общественном мнении этих стран. Разрыв поколенческих связей и стратегии восстановления статуса старшего поколения, характерные для западной культуры, не воспринимаются как неотъемлемые атрибуты модернизации. Поэтому в этих культурах складывается модель старости, отличная от западных образцов.

Что же касается России, то здесь сложился весьма устойчивый негативный образ старости. С одной стороны, произошло разрушение уважительного отношения к старости и старикам, связанное с девальвацией ценностей традиционной культуры, переходом к префигуративной культуре, ориентированной на ценности молодежной культуры, с чрезвычайно низким качеством жизни старшего поколения россиян. С другой стороны, отсутствуют условия для реализации европейской модели успешной старости. В условиях тотального дефицита экономическая активность старшего поколения составляет конкуренцию более молодым поколениям. Концепция университетов «третьего возраста», способная изменить общественное мнение и обновить человеческий и социальный капитал старшего поколения, только начинает воплощаться в жизнь. Все это определяет негативное содержание представлений о старости в российской культуре и ее низкое положение в иерархии престижа возрастных состояний. В современном обществе понятие «старость» стало синонимом неуспеха, потерь, отсталости. Соответственно, набор социальных ролей, отведенных пожилым, ограничивается традиционным присмотром за внуками, ведением домашнего и приусадебного хозяйства. Он исключает активное участие в общественной, экономической, культурной, профессиональной сферах [12, 4].

В то же время пожилые россияне, хотя бы в силу увеличения их доли в структуре населения и наличия мощного образовательного и профессионального капиталов, не могут не учитываться при разработке концепций социально-экономического и культурного развития общества. В этом случае заимствование западной модели успешной старости и ее адаптация к современным социальным условиям и традициям России могли бы стать одним из способов решения проблемы старшего поколения.

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

2. Вольнская Л. Б. Престижность возраста // Социс. 2000. № 7. С. 120–124.

3. Глушкова И. «Возраст случился»: модель и антимодель индийской старости [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2005. № 3. URL: strana-oz.ru/?numid=24&article=1079.

4. *Денисенко М.* Тихая революция [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2005. № 3. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1062>.
5. *Игнатьева Н. В.* Культурный потенциал «третьего возраста» : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. Челябинск, 2005.
6. *Козлов А. А.* Теории и традиции западной социальной геронтологии // Психология старости и старения : хрестоматия / сост. О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. М., 2003.
7. *Молевич Е. Ф.* К анализу сущности и формы социальной старости // Социс. 2001. № 4. С. 61–64.
8. *Пайфер М.* Иная страна. Как не заблудиться в эмоциональном мире пожилого человека [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2005. № 3. URL: www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1065.
9. *Севидова Н.* Старость — это остров, на котором человек остается в одиночестве [Электронный ресурс] // RELGA. 2011. № 06 (224). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?>
10. *Смолькин А.* Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3. URL: [strana-oz.ru/?numid=24&article=1077](http://www.strana-oz.ru/?numid=24&article=1077).
11. *Феофанов К. А.* Старость в современном обществе: Руководство по геронтологии // Психология старости и старения. С. 29–35.
12. *Хозина Ж. В.* Социально-культурная активизация лиц третьего возраста как условие преодоления эйджизма: на примере Великобритании : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
13. *Vovelle M.* La mort et l'Occident. De 1300 a nos jours. Gallimard, 1983.

Статья поступила в редакцию 20.04.2011 г.

УДК 821.161.1–31 + 316.346.2–055.1 + 316.346.2–055.2

М. Н. Дудина

**ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАК «ПУЧИНА ЗАБЛУЖДЕНИЯ»
МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»
Л. Н. ТОЛСТОГО**

Вопросы об отношениях между мужчинами и женщинами (гендерные вопросы), поставленные Л. Н. Толстым, рассматриваются как педагогическая проблема, связанная с нравственным воспитанием.

Ключевые слова: проблема человека и «пола в нем», гендерные проблемы, гендерные вопросы образования и воспитания.

Вся жизнь человеческая не имеет другой цели, как большее и большее уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины.

Л. Н. Толстой

Минуло 100 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Уже век мы живем без него, но поставленные им проблемы не теряют своей актуальности.

ДУДИНА Маргарита Николаевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Уральского государственного университета им. А. М. Горького (m-dudina@mail.ru).

© Дудина М. Н., 2011